

Часть 1. Причины раскола

Содержание:

Церковные причины раскола

Политические причины раскола

Участие ГПУ в расколе

Церковные причины раскола

В историографии обновленческого раскола существуют разные точки зрения по вопросу происхождения обновленчества.

Д. В. Поспеловский, А. Г. Кравецкий и И. В. Соловьев считают, что «дореволюционное движение за церковное обновление никоим образом нельзя смешивать с «советским обновленчеством» и даже более, что между движением за церковное обновление до 1917 г. и «обновленческим расколом» 1922–1940 гг. трудно найти что-то общее»[1].

М. Данилушкин, Т. Никольская, М. Шкаровский, убеждены, что «Обновленческое движение в Русской Православной Церкви имеет длительную, уходящую в века предысторию»[2]. Согласно этой точке зрения обновленчество зарождалось еще в деятельности В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

Но как организованное церковное движение оно начало реализовываться в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. В это время идея обновления Церкви стала популярна среди интеллигенции и духовенства. К числу деятелей-реформаторов можно отнести епископов Антонина (Грановского) и Андрея (Ухтомского), думских священников: отцов Тихвинского, Огнева, Афанасьева. В 1905 году под покровительством епископа Антонина сложился «кружок 32-х священников», в который входили сторонники обновленческих реформ в церкви[3].

В годы Гражданской войны по инициативе бывших членов этого кружка 7 марта 1917 г. возник «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян», который возглавили священники Александр Введенский, Александр Боярский и

Иоанн Егоров. Свои филиалы союз открыл в Москве, Киеве, Одессе, Новгороде, Харькове и других городах. «Всероссийский союз» пользовался поддержкой Временного правительства и издавал на синодальные деньги газету «Голос Христа», а к осени уже имел собственное издательство «Соборный разум». В составе руководителей этого движения в январе 1918 г. появился знаменитый протопресвитер военного и морского духовенства Георгий (Шавельский). Союз выступал под лозунгом «Христианство — на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации»[4].

Под покровительством обер-прокурора Временного правительства возникла и официальная реформация — выходил «Церковно-общественный вестник», в котором работал профессор Петербургской Духовной Академии Б. В. Титлинов и протопресвитер Георгий Шавельский.

Но нельзя искать мотивы создания «Всероссийского союза демократического духовенства», а впоследствии и «Живой Церкви» (одной из церковных групп обновленчества) только в идейной области. Нельзя забывать, с одной стороны, область сословных интересов, а с другой стороны, церковную политику большевиков. Профессор С. В. Троицкий называет «Живую Церковь» поповским бунтом: «Ее создала гордыня петроградского столичного духовенства»[5].

Петроградские священники издавна занимали исключительное, привилегированное положение в Церкви. Это были наиболее талантливые выпускники духовных академий. Между ними были крепкие связи: «Не бойся двора, не бойся важных господ», — напутствовал на Петербургскую кафедру святитель Филарет Московский митрополита Исидора, своего бывшего викария: «Им мало дела до Церкви. Но будь осторожен с петербургским духовенством — это гвардия».

Как и все белое духовенство, петербургские священники находились в подчинении митрополиту, который был монах. Это был тот же выпускник академии, нередко менее одаренный. Это не давало покоя честолюбивым священникам Петербурга, у некоторых была мечта взять власть в свои руки,

ведь до VII века существовал женатый епископат. Они ждали только подходящего случая, чтобы взять власть в свои руки, и надеялись достигнуть своих целей путем соборного переустройства Церкви[6].

В августе 1917 года открылся Поместный Собор, на который обновленцы возлагали большие надежды. Но они оказались в меньшинстве: Собор не принял женатый епископат и многие другие реформаторские идеи. Особенно неприятно было восстановление патриаршества и избрание на это служение митрополита Московского Тихона (Беллавина). Это даже привело руководителей «Союза демократического духовенства» к мысли о разрыве с официальной Церковью. Но до этого дело не дошло, поскольку сторонников оказалось мало[7].

Октябрьскую революцию петроградская группа реформаторов встретила в целом положительно. Она начала с марта издавать газету «Правда Божия», в которой ее главный редактор, профессор Б. В. Титлинов, так прокомментировал воззвание Патриарха от 19 января, предававшее анафеме «врагов истины Христовой»: «Кто хочет вести борьбу за права духа, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафематствовать ее, а просветлять, одухотворять, претворять ее. Суровое отвержение раздражает злобу и страсти, раздражает худшие инстинкты деморализованной толпы»[8]. В декрете об отделении Церкви от государства газета усматривает только положительные стороны. Отсюда следует вывод, что обновленцы использовали воззвание для дискредитации самого же Патриарха.

Обновленцы начинают активно участвовать в политической жизни страны, принимая сторону новой власти. В 1918 г. вышла книга обновленческого священника Александра Боярского «Церковь и демократия (спутник христианина-демократа)», пропагандировавшая идеи христианского социализма. В Москве в 1919 г. священник Сергей Калиновский предпринимал попытки создания христиано-социалистической партии[9]. Протоиерей Александр Введенский писал: «Христианство хочет Царства Божия не только в загробных высях, но здесь в нашей

серой, плачущей, страдающей земле. Христос принес на землю социальную правду. Мир должен зажить новой жизнью»[10].

В годы гражданской войны некоторые сторонники церковных реформ добивались у властей разрешения на создание крупной обновленческой организации. В 1919 г. Александр Введенский предложил председателю Коминтерна и Петросовета Г. Зиновьеву конкордат — соглашение между Советским правительством и реформированной Церковью. По словам Введенского, Зиновьев ответил ему следующее: «Конкордат в настоящее время вряд ли возможен, но я не исключаю его в будущем... Что касается вашей группы, то мне кажется, что она могла бы быть зачинателем большого движения в международном масштабе. Если вы сумеете организовать нечто в этом плане, то, я думаю, мы вас поддержим»[11].

Однако, надо заметить, что завязывавшиеся контакты реформаторов с властями на местах порой помогали положению духовенства в целом. Так в сентябре 1919 г. в Петрограде планировались арест и высылка священников, изъятие мощей святого князя Александра Невского. Митрополит Вениамин для предотвращения этой акции послал с заявлением будущих священников-обновленцев Александра Введенского и Николая Сыренского к Зиновьеву. Антицерковные акции были отменены. Надо заметить, что Александр Введенский был приближен к владыке Вениамину[12].

Сам владыка Вениамин был не чужд некоторых нововведений. Так при его покровительстве в Петроградской епархии стали применять русский язык для чтения шестопсалмия, часов, отдельных псалмов и пения акафистов[13].

Однако патриарх, увидев, что новшества стали получать широкое распространение в епархиях, написал послание о запрещении нововведений в церковно-богослужебной практике: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно-действенного церковного богослужения должна сохраниться в Св. Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее Ее достояние...»[14]

Послание для многих оказалось неприемлемым и вызывало их протест. К митрополиту Вениамину направилась делегация в составе архимандрита Николая (Ярушевича), протоиереев Боярского, Белкова, Введенского и др. Как позднее вспоминал последний, в разговоре с владыкой они «получили его благословение служить и работать по-прежнему, невзирая на волю Тихона. Это был своего рода революционный шаг со стороны Вениамина. По другим епархиям декрет Тихона принимается к сведению и исполнению»[15]. За самочинные нововведения в богослужение был даже отправлен в запрет епископ Антонин (Грановский)[16]. Постепенно складывалась группа духовенства, оппозиционно настроенная церковному руководству. Власть не упустила шанса воспользоваться таким положением внутри Церкви, придерживаясь жестких политических взглядов на происходящие события.

Политические причины раскола

В 1921-1922 году в России начался Великий голод. Голодало более 23 миллионов человек. Мор унес около 6 миллионов человеческих жизней. Почти вдвое его жертвы превзошли людские потери в гражданской войне. Голодали Сибирь, Поволжье и Крым.

Правительственные верхи страны были прекрасно осведомлены о происходящем: «Стараниями Информационного отдела ГПУ государственно-партийное руководство регулярно получало совершенно секретные сводки о политическом и экономическом положении во всех губерниях. Строго под расписки адресатов тридцать три экземпляра каждой. Первый экземпляр — Ленину, второй — Сталину, третий — Троцкому, четвертый — Молотову, пятый — Дзержинскому, шестой — Уншлихту»[17].

Вот несколько сообщений.

Из госсводки от 3 января 1922 года по Самарской губернии: «Наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания»[18].

Из госинфсводки от 28 февраля 1922 года по Актюбинской губернии и Сибири: «Голод усиливается. Учащаются случаи голодной смерти. За отчетный период умерло 122 человека. На рынке замечена продажа жареного человеческого мяса, издан приказ о прекращении торговли жареным мясом. В Киргизском районе развивается голодный тиф. Уголовный бандитизм принимает угрожающие размеры. В Тарском уезде в некоторых волостях население сотнями умирает от голода. Большинство питается суррогатами и падалью. В Тикиминском уезде голодает 50% населения»[19].

Из госинфсводки от 14 марта 1922 года еще раз по Самарской губернии: «На почве голода в Пугачевском уезде произошло несколько самоубийств. В селе Самаровском зарегистрировано 57 случаев голодной смерти. В Богоруслановском уезде зарегистрировано несколько случаев людоедства. В Самаре за отчетный период заболело тифом 719 человек»[20].

Но всего страшнее было то, что хлеб в России был. «Сам Ленин недавно говорил о его излишках до 10 миллионов пудов в некоторых центральных губерниях. А заместитель председателя Центральной комиссии Помгола А.Н. Винокуров открыто заявил, что вывоз хлеба за границу во время голода является «экономической необходимостью»[21].

Для советского правительства стояла более важная задача, чем борьба с голодом — это борьба с Церковью. Голод представился удачей для уничтожения заклятого врага — Церкви.

Советская власть боролась за монополию в идеологии еще с 1918 года, если не раньше, когда было провозглашено отделение Церкви от государства. Против духовенства были пущены в ход все возможные средства, вплоть до репрессий ВЧК. Однако это не принесло ожидаемых результатов — Церковь оставалась в основе своей несокрушенной. В 1919 году была предпринята попытка создания марионеточного «Исполкомдуха» (Исполнительный Комитет Духовенства) во

главе с членами «Союза Демократического Духовенства». Но не получилось — народ им не верил.

Итак, в секретном письме членам Политбюро от 19 марта 1922 года Ленин раскрывает свой коварный и небывало циничный замысел: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед давлением какого угодно сопротивления»[22].

В то время пока правительство ломало голову, как использовать голод в очередной политической кампании, Православная Церковь сразу же после первых сообщений о голоде откликнулась на это событие. Еще в августе 1921 года она создала епархиальные комитеты для оказания помощи голодающим. Летом 1921 года Патриарх Тихон обратился с призывом помощи «К народам мира и к православному человеку»[23]. Начался повсеместный сбор денежных средств, продовольствия и одежды.

28 февраля 1922 года глава Русской Церкви выпускает послание «о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей»: «Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасном бедствии, мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу умирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету»[24].

Как видно из Послания, оказывается, Всероссийский церковный комитет помощи голодающим с августа по декабрь 1921 года существовал нелегально. Все это время патриарх хлопотал перед советской властью, прося у нее утверждение «Положения о Церковном Комитете» и официальное разрешение для сбора пожертвований. В Кремле долго не желали утверждать. Это было бы нарушением инструкции Наркомюста от 30 августа 1918 года о запрещении благотворительной деятельности всем религиозным организациям. Но все-таки пришлось уступить — боялись мирового скандала накануне Генуэзской конференции. 8 декабря Церковный Комитет получил разрешение[25].

Далее в своем послании от 28 февраля 1922 года Святейший Патриарх продолжает: «Однако в декабре Правительство предложило нам делать, при посредстве органов церковного управления: Св. Синода, Высшего Церковного Совета — пожертвования деньгами и продовольствиями для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные предметы, не имеющие богослужебного употребления, в чем и оповестили Православное население 6 (19) февраля с.г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения....Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к

таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, Лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (Апостольское правило 73, двукратн. Вселенск. Собор. Правило 10)»[26].

Этим документом Патриарх отнюдь не призывал сопротивляться изъятию церковных ценностей. Он только не благословлял к добровольной сдаче «священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами». Но это совсем не значит, как позднее говорили обновленцы, что Патриарх призывает к сопротивлению и борьбе.

К февралю 1922 года Православная Церковь собрала более 8 миллионов 926 тысяч рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и натуральной помощи голодающим[27].

Однако только лишь часть этих денег пошла на помощь голодающим: «Говорил (Патриарх), что и в этот раз готовится страшный грех, что изъятые ценности из церквей, соборов и лавр пойдут не голодающим, а на нужды армии и мировой революции. Недаром так беснуется Троцкий»[28].

А вот уже и точные цифры того, на что пошли кровные деньги: «Пустили по пролетарским клубам и ревкультовским драмсараям лубочные диапозитивы — те, что были куплены за границей на 6000 золотых рублей в счет Помгола — не пропадать же добру зря — и ударили в газетах крепким словом “партийной правды” по “мироодам” — “кулакам” и “черносотенному поповству”. Опять же, на импортной бумаге»[29].

Итак, с Церковью вели агитационную войну. Но этого было недостаточно. Нужно было внести разделение внутрь самой Церкви и создать раскол по принципу «разделяй и властвуй».

Участие ГПУ в расколе

В ЦК РКП(б) и СНК были хорошо осведомлены и знали, что в Церкви есть люди, оппозиционно настроенные к Патриарху и лояльные к Советскому правительству. Из доклада ГПУ в Совнарком 20 марта 1922 г.: «ГПУ располагает сведениями, что некоторые местные архиереи стоят в оппозиции реакционной группе синода и что они в силу канонических правил и др. причин не могут резко выступать против своих верхов, поэтому они полагают, что с арестом членов Синода им представляется возможность устроить церковный собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в синод лиц, настроенных более лояльно к Советской Власти. Оснований для ареста ТИХОНЫ и самых реакционных членов синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточно»[30].

Правительство сразу взяло курс на раскол внутри самой Церкви. В недавно рассекреченной докладной записке Л. Д. Троцкого от 30 марта 1922 г. была практически сформулирована вся стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому духовенству: «Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде. Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии. К моменту созыва нам надо подготовить теоретическую пропагандистскую кампанию против обновленческой церкви. Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш»[31].

Таким образом, обновленцев хотели использовать в своих целях, а потом с ними расправиться, что будет в точности выполнено.

Повод для раскола уже существовал — изъятие церковных ценностей: «Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять острый характер» (Записка Троцкого Л. Д. в Политбюро 12 марта 1922 г.)[32].

Началось изъятие. Но начали не с Москвы и Петербурга, а с небольшого города Шуя. Ставился эксперимент — боялись массовых народных восстаний в больших городах. В Шуе произошли первые инциденты расстрела толпы верующих, где были старики, женщины и дети. Это было уроком для всех остальных.

Кровавые расправы прокатились по всей России. Скандал из-за кровопролития был использован против Церкви. Духовенство обвинили в подстрекательстве верующих против советской власти. Начались судебные процессы над священнослужителями. Первый процесс проходил в Москве 26 апреля — 7 мая. Из 48 подсудимых 11 приговорили к расстрелу (расстреляли 5). Им поставили в вину не только препятствие проведению в жизнь декрета, но и главным образом распространение воззвания Патриарха. Процесс был направлен прежде всего против главы Русской Церкви, и Патриарх, сильно дискредитированный в печати, был арестован. Все эти события подготовили обновленцам благодатную почву для их деятельности.

8 мая представители «Петроградской группы прогрессивного духовенства», ставшей центром обновленчества в стране, приехали в Москву. Власти их встретили с распростертыми объятьями. По признанию Александра Введенского, «к расколу были непосредственно причастны Г. Е. Зиновьев и уполномоченный ГПУ по делам религий Е. А. Тучков»[33].

Таким образом, вмешательство Советской власти во внутрицерковные дела несомненно. Подтверждением тому является письмо Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) от 14 мая 1922 г., полностью одобренное Лениным: «Сейчас, однако, главная политическая задача состоит в том, чтобы сменовеховское духовенство не оказалось терроризированным старой церковной иерархией. Отделение церкви от государства, нами раз и навсегда проведенное, вовсе не означает безразличия государства к тому, что творится в церкви как в материально-общественной организации. Во всяком случае необходимо: не скрывая нашего материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в ближайшее время, то есть в оценке нынешней борьбы на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению; критику сменовеховского духовенства и примыкавших к нему мирян вести не с материалистически-атеистической точки зрения, а с условно-демократической точки зрения: вы слишком запуганы князьями, вы не делаете выводов из засилья монархистов церкви, вы не оцениваете всей вины официальной церкви перед народом и революцией и пр. и пр.»[34].

Правительство пыталось утвердить в сознании населения законность обновленческой церкви. Константин Криптон, свидетель той эпохи, вспоминал, что коммунисты везде объявляли, что обновленцы — представители единственно законной церкви в СССР, а остатки «тихоновщины» будут разгромлены. Власть усматривала в нежелании признавать обновленчество новый вид преступления, что каралось лагерями, ссылками и даже расстрелами[35].

Лидер обновленческого движения протоиерей Александр Введенский выпустил секретный циркуляр, обращенный к епархиальным архиереям, в котором рекомендовалось в случае необходимости обращаться к органам власти для принятия административных мер против староцерковников. Этот циркуляр приводился в исполнение: «Боже, как они меня мучают, — говорил о чекистах митрополит Киевский Михаил (Ермаков), — вымогают от меня признания “Живой Церкви”, угрожали в противном случае арестом»[36].

Уже в конце мая 1922 года ГПУ запрашивает у ЦК РКП(б) деньги для проведения антитихоновской кампании: «Ограничение работающих с нами церковников в средствах на издание печатных органов, пропаганду, передвижение по республике и др. работы, требующие немедленного выполнения, было бы равносильно атрофированию этой деятельности, не говоря о содержании целого штата приезжающих церковников, которое при ограниченности средств ложится тяжким бременем на Полит. Управление»[37].

Е. А. Тучков, начальник секретного VI отделения ГПУ, постоянно информировал ЦК о состоянии агентурной работы Высшего Церковного Управления (ВЦУ). Он посещал различные регионы страны для контроля и координирования «церковной работы» в местных отделениях ГПУ. Так, в докладе от 26 января 1923 г. по результатам проверки работы секретных отделений ГПУ он сообщал: «В Вологде, Ярославле и Иваново-Вознесенске работа по церковникам идет сносно. В этих губерниях не осталось ни одного правящего епархиального и даже викарных архиереев тихоновского толка, таким образом, с этой стороны обновленцам дорога очищена; но миряне всюду реагируют отрицательно и в большинстве церковно-приходские советы сохранились в прежних составах»[38].

Однако нельзя думать, что обновленческое движение было целиком порождением ГПУ. Конечно, в нем было немало священников вроде Владимира Красницкого и Александра Введенского, недовольных своим положением и рвавшихся к руководству, которые осуществляли это с помощью государственных органов. Но были и такие, которые отвергали такие принципы: «Церковь ни при каких условиях не должна обезличиваться, ее контакт с марксистами может быть лишь временным, случайным, скоропреходящим. Христианство должно возглавлять социализм, а не приспособляться к нему», — считал один из лидеров движения священник Александр Боярский, с именем которого будет связано отдельное направление в обновленчестве[39].

[1] Соловьев И. В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых

опубликованных исторических документов. // Обновленческий раскол. Общество любителей церковной истории. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 21.

[2] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 10.

[3] Дворжанский А. Н. Церковь после Октября // История Пензенской епархии. Книга первая: Исторический очерк. — Пенза, 1999. — С. 281. // URL: <http://pravoslavie58region.ru/histori-2-1.pdf> (дата обращения: 01.08.2017 года).

[4] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 121.

[5] Троицкий С. В., проф. Что такое «Живая Церковь»? // Обновленческий раскол. Общество любителей церковной истории. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 99.

[6] Троицкий С. В., проф. Что такое «Живая Церковь»? // Обновленческий раскол. Общество любителей церковной истории. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 99-100.

[7] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 11.

[8] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 200.

[9] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 11.

[10] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 135.

[11] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 12.

[12] Там же.

- [13] Там же. С. 13.
- [14] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 275.
- [15] Шкаровский В. М. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 13.
- [16] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 275.
- [17] Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. — Красные конкистадоры. — М.: Соратник, 1994. — С. 154.
- [18] Там же; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 45. Л. 3.
- [19] Там же; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2629. Л. 6, 7.
- [20] Там же; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2629. Л. 98.
- [21] Там же. С. 158.
- [22] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 281.
- [23] Там же. С. 272.
- [24] Там же. С. 278-279.
- [25] Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. — Красные конкистадоры. — М.: Соратник, 1994. — С. 157-158.
- [26] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 279.
- [27] Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. — Красные конкистадоры. — М.: Соратник, 1994. — С. 157.
- [28] Там же. С. 159.
- [29] Там же. С.155; РЦХДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 37.
- [30] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. — С. 93.

[31] Шкаровский В. М. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 66.

[32] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. — С. 79.

[33] Шкаровский В. М. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 17.

[34] Там же.

[35] Соловьев И. В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов.//Обновленческий раскол. Общество любителей церковной истории. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 26.

[36] Никодимов И. Н. Воспоминание о Киево-Печерской Лавре. — Киев, 1999. — С.168-169.

[37] Там же. С. 29-30.

[38] Соловьев И. В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов.//Обновленческий раскол. Общество любителей церковной истории. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 30.

[39] Шкаровский В. М. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 28.